

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В ИЗУЧЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Позднепалеолитические памятники Восточного региона Байкальской Азии (Западное Забайкалье) широко известны по раскопкам оригинальных хозяйственных конструкций, залегающих в отложениях надпойменных террас р. Чикой и её притоков. На большинстве раскопанных широкой площадью береговых стоянках, таких как Усть-Менза 1,2,3,4, Студеное 1,2, Косая Шивера и др., раскопаны остатки искусственных структур слоя в виде очагов, каменных выкладок, рабочих площадок (Константинов, Константинов, Семина, 1985; Константинов, Шлямов, 1987; Константинов, Клейнос, 1993). Обнаруженные объекты разнообразны морфологически и потому возникают различные точки зрения в их интерпретации. Многие из фиксируемых структур определяются как остатки легких наземных построек для жилья - «жилища». Планиграфически данные структуры настолько выразительны, что доказательство их рукотворности оказывается в основном формальным. Это объясняется, пожалуй, двумя основными обстоятельствами: с одной стороны, в высокой степени сохранности культурного слоя в условиях осадконакопления аллювия рек Чикойского бассейна; а с другой, особым типом организации стоянок первобытного населения. Возможно, второе обстоятельство обусловлено своеобразным хозяйственным назначением данных мест обитания, таким типом адаптации, при котором следы древних запечатлевались в слое подобно негативам экспозиции на кадре фотопленки. В планах культурного слоя жилища имеют отчетливо выраженный контур площадки, который, как правило, маркируется очагом в центре и линзой культурных остатков, зачастую обрамленных каменной выкладкой - «фундаментом». Следы от земляных работ - такие как углубление пола, насыпи типа завалинок в зонах жилищ - на материалах забайкальских раскопок не фиксируются (Константинов, 1994, с. 143). Такая же ситуация отмечается на аналогичных стоянках Енисея (Васильев, 1996, с. 186). Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что конструкции сооружались на допустимо выположенной поверхности берега

реки. Серийность структур жилищ позволила разработать их типологию, основанную на размерах внутреннего пространства, конфигурации и интенсивности каменных кладок, а также количестве очагов (Константинов, 1994, с.141-146). Внешний контур структуры, как правило, очерчен плотной или разреженной кладкой из валунов, происходящих с местных галечных пляжей. Внутреннее пространство - интерьер, в ряде случаев органично согласуется с родом хозяйственной деятельности. Функциональный анализ артефактов, локализованных в пространстве в соответствии с хозяйственными структурами, свидетельствует о спецификации отдельных рабочих площадок (Кузнецов, 1996:17-19). Кроме того, в культурных слоях, вскрытых большой площадью (таких как Студеное 1 - слои 17,18,19), прослеживается общая картина соотношения культурно-хозяйственных структур - своего рода фрагменты «генеральной планировки» древних стоянок, где ясно выражены активные или периферийные зоны.

Общие проблемы реконструкции палеожилищ

Объемно-пространственное воссоздание первоначального облика жилищ является одним из наиболее эффективных методов изучения строительства и эксплуатации их в финально палеолитическое время. Но, к сожалению, в большинстве случаев исследователи испытывают пока непреодолимые затруднения в том, что кроме планометрических данных - внешней обкладки и очага, объемно - конструктивные детали кровли построек отсутствуют. О строительных материалах конструкций можно сказать то, что они состояли из предметов органического происхождения, которые не сохраняются столь длительное время в песчаном грунте, либо данные детали были повсеместно намеренно перемещены или уничтожены древними обитателями. По причине существующей фрагментарности источников авторам находок приходится решать задачу реконструкции древних сооружений путем сложных логических построений,

сопоставляя остатки «сделанного» в древности на базе эмпирических по сути умозаключений, основанных преимущественно на «личных наблюдениях». Этнографические параллели со строительством жилищ в традиционных обществах народов севера зачастую возводятся в ранг особых доказательств (Константинов, 1992, с.6-9). Более обстоятельных принципов, чем метод актуализма, ограниченный бытовым его воплощением - «позицией здравого смысла», использовать не удаётся. С точки зрения методологии и методики исследований, правомерность корреляции экспериментальных и этнографических данных применительно к реальным палеолитическим источникам на самом деле остается достаточно деликатным вопросом, который для исследователей формулируется в виде своеобразной дилеммы «необходимого» и «желаемого». Теоретическое осмысление данных проблем требует особого отношения, которое в большей мере прослеживается в работах археологов-экспериментаторов, изучающих палеотехнологии каменных индустрии (Гиря, 1997, с.7-9). Использование геoarхеологических принципов процессуальной археологии (Waters, 1992), разработка методик археологической тафономии, также как и совершенствование методики полевых исследований позволяли бы связывать отдельные компоненты комплекса в единую материализованную систему. Иными словами, для того, чтобы в исследуемых структурах слоя рассмотреть социологический или культурно-исторический аспект, необходим предварительный строгий порядок конкретных операций, связанных с отслеживанием микростратиграфических и детальных планиграфических связей. Бытующая методика широкомасштабного горизонтально-поштыкового вскрытия в поисках отдельных конструктивных деталей «жилищ», трудоёмкое перемещение грунта из инситуного состояния в отвалы, в конечном счёте, остаются мало результативными и наносят невосполнимый ущерб и природе, и обществу. Потери информации по раскапываемым объектам колоссальны.

В данном случае, наша работа не посвящена вопросам «этнографии» или «этноархеологии». Формулируя цель исследования, мы намеренно стремились избежать моделирования «по специальной программе» с установками на исключение «факторов случайности» различных ситуаций утилизации объекта нами же предположенного свойства. Нашей задачей являлось изучение останков современного антропогенного объекта, называемого «экспериментальным жилищем».

Описание опыта реконструкции

Решая некоторые научно-познавательные, эстетические и бытовые задачи в Чикойской археологической экспедиции последних 20 лет проводятся опыты по моделированию в полевых условиях легких наземных жилищ на манер эвенкийского чума¹. Участники данного эксперимента

строят «первобытное» жилище и проживают в нем в течение полевого сезона. Эксперимент во многом формируется на бытовом уровне. В нем имеется ряд условностей и, может быть, некорректных на первый взгляд допусков. Постройка сооружается на относительно горизонтальной сухой площадке. Произвольно выбирается диаметр основания (от 3.5 до 6 м), в зависимости от хозяйственных нужд. Высота чума, объективно зависящая от длины жердей, определяется также на усмотрение экспериментаторов. Решающим фактором для обитателей чумановодела является максимальное поднятие уровня задымленности внутри жилища, который зависит от высоты кровли и объёма внутреннего пространства (Наумцева, 1997, с. 119-120). При строительстве каркаса используются жерди сосны в количестве, достаточном для получения округлого основания конической призмы остова. Объём жилого пространства, естественно, определяется количеством жердей в кровле. Экспериментаторами используется, как правило, от 15 до 30 жердей. Жерди закрепляются в верхней части постройки в виде пучка: связываются три несущих, а остальные накладываются поверх. Полученный каркас обтягивается снаружи брезентовой тканью, которая с помощью веревок крепится к жердям, а в основании придавливается валунами. В вершине конуса кровли оставляется небольшое отверстие в качестве дымохода. Покрытием каркас постройки усиливается дополнительно. Ему придаётся максимальная жесткость и устойчивость, более надежная в сравнении с палатками, навесами и прочими парусящими сооружениями археологического лагеря. На протяжении всего срока полевых работ чум активно эксплуатируется. Внутри экспериментального жилища различается несколько *зон культурно-хозяйственной активности, каждая из которых несет определенную функциональную нагрузку*. Организуются эти зоны преимущественно стихийно. Элементы планирования интерьера незначительны. В центре чума находится зона 1 - *очажная*, где сооружается очаг, состоящий из кольца плотно уложенных валунов, принесенных с бечевника близлежащего водоема. В этой зоне высота огня может достигать наибольших пределов, а свет и тепло наиболее равномерно распределяются по жилому пространству. *Очажная зона* совпадает с горизонтальной проекцией максимальной по высоте части конического свода постройки и дополнительно выполняет функции своеобразного социально-экономического центра для обитателей постройки. Ежедневно, каждый вечер, в очаге возобновляется огонь для освещения и обогрева. В дождливую, сырую погоду огонь зажигается днем.

Прямой полосой от входа к очагу и вокруг него примерно метровым кольцом оставляется свободное для передвижения обитателей пространство - своеобразный коридор, зона 2 - *транзитная*. Назначение зоны 2 заключается в обеспечении свободного доступа людей к очагу, выходу, или

любому другому месту в чуме. Позицию входа определяют три основных принципа ориентации: южная - солнечная экспозиция; подветренная сторона; кратчайший путь к центральной части археологического лагеря - кухне.

Между очагом и зоной транзита простирается узкое, до 0.15м, кольцо - зона 3 - *приочажная* - территория, которая недостаточно освоена по причине критической близости к открытому огню. В приочажной зоне часто размещаются поставленные (положенные) на «видное место» мелкие предметы - посуда, инструменты и т.п.

С внешней стороны транзитной зоны расположен *спальный сектор* - зона 4, который простирается по л у к о л ь ц о м двухметровой ширины, разомкнутым у выхода. В этой части обычно размещается 10-15 «лежанок» - спальных мест обитателей постройки. Поверхность зоны 4 на период п р о ж и в а н и я постоянно укрыта спальными принадлежностями и личным снаряжением.

Под самой кровлей выделяется зона 5 - *теневая*. Она не доступна для обитания и практически исключена из сферы хозяйственного использования, так как объективно находится в геометрической зависимости от высоты конуса кровли. Антропогенные деформации поверхности пола в этой части практически не в л и я ю т на естественный микрорельеф. В данном, описываемом случае, зона 5 имеет ширину до 0.4 м (высота кровли составляла около 4 м). В противоположной части от спального сектора (зона 4), рядом с входом, расположена хозяйственная площадка и дровяник. Э т у з о н у 6 можно определить **как хозяйственный сектор. Ш е с т я з о н а о б ы ч н о** усеяна мелким мусором незначительных бытовых отходов, например, от дров. Наличие резерва сухих дров внутри жилища всегда является актуальным для его обитателей. Здесь же размещаются крупногабаритные предметы хозяйственной утвари, коллективное снаряжение. Внешнее и внутреннее пространство описываемого жилища во многом связано с социокультурными стереотипами его современных обитателей и не может иметь прямого отношения к палеореконструкциям.

Обобщив и проанализировав опыт экспериментальных построек на Чикое, нами установлено, что наиболее протяженной по площади, а следовательно, максимально информативной для палеолитических исследований деталью конструкции является поверхность «пола» в ансамбле с внутренним очагом. П о л - единственный из всех остальных деталей помимо линейных размеров имеет обширное плоскостное выражение, связывающее в едином пространстве все компоненты структуры. *Пол* чума это единственный элемент конструкции, сохранность которого исключительно зависит от постдепозитных изменений поверхности обитания. При оптимальных механизмах осадконакопления антропогенная поверхность может сохраняться неограниченное время наряду с прочими литологическими образованиями.

Таким образом, под понятием «пол» структуры обитания следует понимать естественную поверхность грунта, сформированную в результате антропогенного воздействия внутри конструкции. Существовавшая некогда культурно-хозяйственная нагрузка на определённый участок ландшафта повлияла на сохранность почвенно-растительного слоя - «дневную поверхность». Результатом активной антропогенной депрессии явилась частичная деградация участка ландшафта. На деградацию современной почвы внутри чума влияют механическое воздействие - «вытаптывание» и биологические факторы, запечатленные в части ландшафта, оказавшегося под кровлей на достаточно протяженный срок. Данная поверхность искусственно изолирована от естественного о к р у ж е н и я - солнечного света, нормального обмена влаги, угнетена повышенной задымленностью и т.п. Биологические факторы на самом деле настолько сильны, что в результате двухмесячного существования жилища среди нормальной луговой растительности начинают развиваться инородные ассоциации разнотравья.

Изучение современного археологизированного объекта

На месте одной из построек прошлых лет, в которой проживали в среднем 15 человек в течение двух месяцев, археологическими методами была изучена площадка, некогда служившая «полом». Данное жилище было покинуто обитателями и разобрано год назад. Визуальный осмотр поверхности «экс-пола» дал поразительные результаты. Площадка отчетливо сохранила следы обитания и внутренней планировки бывшего жилища. Это выразилось в виде четкой дифференциации травянистой растительности в соответствии с перечисленными зонами интерьера. Еще более выразительными оказались деформации поверхности рельефа внутри жилищного пространства. На некогда обитаемом пространстве остались «трассы», соответствующие описанным шести хозяйственным зонам. Допускается, что механические деформации поверхности грунта, происшедшие от современной обуви (с каблуками), могут иметь иные показания в сравнении с древностью². Проведена нивелировка поверхности площади 56 м² (около 600 точек замеров), в которой установлен ряд любопытных фактов.

Фиксируется (даже визуально), что поверхность площадки, некогда служившей территорией для постройки, имеет асимметричный выпукло-вогнутый микрорельеф с разностью высот в некоторых точках относительно первоначальной поверхности до 0.1м. Зона 1 (очаговая) и зона 5 (теневая) занимают наиболее высокие гипсометрические уровни, в то время как зона 2 (транзита) сохраняется в виде западин с максимально глубокими отметками и относительно других зон углублена. Периметр теневой зоны практически сохраняет гипсометрические отметки первоначальной поверхности ландшафта, но вместе с

тем по внутреннему контуру отбивается слабым перегибом - "плечиком", обращенным во внутрь постройки.

Естественный уклон ландшафта до существования здесь данного жилища составлял 4° . В настоящее время поверхность внутри жилищного пространства существенно выравнена и приобрела профиль искусственных микротеррас.

Очаг, в котором год назад потух огонь и над которым исчезла кровля, сохранился полно в виде плотно уложенных в один - местами два ряда валунов. Поверхности многих камней, обращенных во внутрь очага, несут следы термического воздействия (растрескались). Внутренний периметр кладки сохраняет налет сажи и копоти. При достаточно плотной выкладке каменного экрана вокруг кострища наблюдается некоторое растекание очажного пепла за внешний контур, которое ограничивается приочажной зоной 3. В заполнении очага можно выделить 4 слоя (сверху):

1. Золистый серо-черный слой, состоящий из тонкодисперсной массы с интенсивными включениями древесного угля, содержащий несгоревшие остатки бытового мусора. Поверхность выположена и существенно превышает уровень внеочажной площадки. Подошва слоя имеет плавно выгнутый в центральной части (чашеобразный) профиль. Мощность от 0.01 до 0.07 м.

2. Слой прокаленного грунта интенсивного кирпичного цвета. Слой имеет супесчаную консистенцию плотного сложения (в виде панциря) с отдельными мелкими угольками. Подошва слоя также имеет чуть менее выраженный прогиб в центральной части. Мощность - до 0.05 м.

3. Черно-коричневая сажа. Интенсивный черный цвет в наибольшей степени проявляется в основании слоя, тогда как к кровле - переход к грязно-коричневой окраске. По механическому составу слой представлен однородным тонким супесчано-суглинистым влагоемким осадком. Мощность - 0.06 - 0.1 м.

4. «Материковый» слой - литологически это основание второго горизонта современной почвы, в котором частично сохраняются остатки органики, мелких корней растительности.

Таким образом, отмечается, что отложения заполнений очага отчетливо дифференцированы. Очажная масса обладает тенденцией миграции к центру и в глубь «материка», имея плавно выгнутую чашевидную подошву. Глубина накопления очажной массы зависит от продолжительности и объема сгоревшего материала. Кроме того, очажная масса обладает свойством «расти» вверх до уровня очажной кладки за счёт остатков продуктов сгорания и нивелироваться по поверхности. Подчеркиваем, в данном случае речь идет о незначительных, в метрическом выражении, но чрезвычайно значимых в методическом отношении моментах понимания рассматриваемой структуры. Эта особенность относится к значимым показателям, которые следует учитывать при «расшифровке» аналогичных

палеоструктур. Однако следует учитывать возможность видоизменения структуры со временем, за счёт геохимических, биологических и других процессов.

Заключение

Данные, полученные в ходе нашего эксперимента, естественно, представляют собой лишь частный случай, в котором наметились лишь общие закономерности. Их стоит расценивать, главным образом, как приглашение к дискуссии и поиску археологических аналогий. Наблюдения позволили установить, что пол экспериментального сооружения - это реально существующий элемент конструкции, который может и должен фиксироваться прежде всего археологическими методами раскопок, поскольку является наиболее информативным элементом конструкции. Поверхность обитания поддается диагностике распространённым археологическим приемом - нивелировкой. Практика «сканирования» поверхности пола по основанию камней выкладки и очага скорее всего не имеет объективных оснований, поскольку искусственно полученная плоскость всегда захватывает несколько иловатых прослоек (мощностью от 2 до 10 см) в высотном диапазоне 15-20 см («пол штыка» лопаты). Вероятнее всего, горизонты залегания находок в древнем культурном слое должны располагаться гипсометрически ниже внежиличного пространства, уровня камней внешней обкладки и внутреннего очага. Виртуальная социокультурная поверхность в жилище с земляным полом в принципе, как показал наш опыт, может быть косвенно отображена в детализированных проявлениях микрорельефа.

Наблюдения за организацией хозяйственных зон внутри жилища имеют определенный стереометрический (трёхмерный) ракурс. Это следует учитывать при изучении в границах одного памятника многослойных стоянок, разделенных между собой маломощными стерильными прослоями. В конечном счёте, при возможной фиксации и анализе профилировки антропогенной поверхности открывается дополнительная возможность объёмных реконструкций кровли -надземной части постройки. Детальное изучение микропрофилей доисторических хозяйственных структур типа жилище позволяет проследить динамику перестройки или конструктивные - «архитектурные» особенности построек.

В заключение хотелось бы выразить благодарность всем участникам Чикойской археологической экспедиции, творческими усилиями и изобретательностью которых стало возможным проведение данного опыта, а также всем коллегам, принявшим участие в обсуждении рабочих версий данной работы: П.Е.Нехорошеву, Е.Ю.Гире, С.Г.Васильеву, А.В.Филимонову, С.В.Куликову. Работа была бы не полной без консультаций геологов ГГУП «Читагеолсъёмка» В.В. Карасёва, Ю.В. Павленко, В.Б. Попова.